

ЖАНР И ЖИЗНЬ

Гастроли Новосибирского театра музыкальной комедии завершаются. Свердловчане с интересом, встретили впервые приехавший к нам еще сравнительно молодой коллектив. Привлек внимание и его репертуар, в котором ведущее место заняла опереточная классика. Этих спектаклей было сыграно ровно втрое больше, чем советских, что дало, между прочим, повод кому-то из зрителей шутя назвать его «Сибирским театром западной оперетты». Мы знаем, как сложны подчас условия гастролей, как диктуют свою волю смета и касса, и все же хочется еще раз сказать, что гастроли — дело не коммерческое, а прежде всего — творческое.

Думается, что сегодня судить о лице театра, его возможностях и перспективах, связи его искусства с жизнью, о современности художественных средств дают основания именно советские спектакли. Они кажутся мне наиболее интересными, принципиальными работами театра, о них и пойдет разговор.

Эти произведения рассказывают о мужестве и героизме наших людей, защищавших Родину от врага, их объединяет отчетливое патриотическое звучание. Но рассказ этот идет в разной интонации. «Рябина красная» по определению ее авторов Г. Иванова и И. Ромашко — героическая мелодрама, а «Особое задание» А. Новикова и П. Градова — героическая музыкальная комедия. В них больше открытого пафоса, «ораториальности», обращения из прошлого к людям годов семидесятых, многообещающие прологи, которые, однако, не поддержаны дальнейшим ходом действия. «Севастопольский вальс» К. Листова, Е. Гальпериной и Ю. Анненкова и «Восемнадцать лет» В. Соловьева-Седого, В. Константинова и Б. Рацера названы просто музыкальными комедиями, они скромнее, лиричнее, но повествование о людях здесь более впечатляет, героическое звучит естественнее, правдивее и волнует неизмеримо более, чем в первых двух спектаклях, которые при всем внешнем динамизме приключенческого сюжета подчас оставляют зрителя равнодушным.

В «Особом задании» наши чекисты помогают сохранить жизнь профессору Орлову и спасти для молодой Советской республики его изобретение, за которым охотятся резиденты одного ино-

странного государства. И хотя действия врагов опасны, выглядит все это на сцене весьма комически. Главный шпион и злодей Стенля переодевается в торговца таремской, он горбат, хромает и достает документ — приглашение профессору Орлову в посольство... из брюха рыбы, коей торгует... Стенля периодически упирается палец в свой шпионский живот и издает странный носовой звук «бип!», по которому из-за кулис точно же выскакивают его слутники-агенты. Если это задуманная режиссером откровенная ирония, игра, то тогда и весь смысл подвига чекистов пропадает.

В посольстве, куда заманивают Орлова, есть и чарльстон, и жугурее танго, и «танец горничных» — так мило названный тот же самый канкан, что танцуют и в «Рябине красной», в ресторане, где действуют наши разведчики. Смотря все это, вспоминаешь недавний, дружно осужденный пресой фильм «Опасные гастроли», где рассказ о действиях революционеров перемежался с канканом в некоем варианте, правда, более шикарном, чем показанное нам посольство. Надо же все-таки извлечь из этого уроки.

Этак можно было бы додуматься и до того, что, скажем, во втором акте «Севастопольского вальса» появилась бы такая, примерно, сцена:

Теть Дина: — Вот мы тут сидим сейчас на бульваре, а знаешь, здесь в войну, при них, востран был. Такое творилось, всякие тут мамзели танцевали, просто ужас...

Рахмет: — Дина-танум, какое безобразия было, кто танцевал? Скажи, пожалуйста.

Теть Дина: — Девочки, Эмча, Муся, Маруся, ну-ка, покажите, как они тут веселились...

И пошел канкан...

Это звучало бы нелепо, кощунственно, и ничего подобного не было и нет ни в пьесе, ни в спектаклях. Почему же в ряде новых произведений авторы не могут обойтись без ресторачной экзотики? Что же касается приключенческих сюжетов в оперетте, они, конечно, могут быть, если отвечают правде жизни и правде искусства.

Коль скоро здесь затронут балет (балетмейстеры В. Ювачева и О. Пожровский), можно вспомнить хорошие, заводные матросские пляски в «Севастопольском вальсе» и «Особом задании», динамичный современный танец и

впечатляющую образную пентомиму «Прощание» в спектакле «Восемнадцать лет». Правда, в «Опасном задании» на петроградскую улицу 18-го года вдруг высыпает стайка девушек в одинаковых шубейках, платках и сапожках, этаких молодоек из «Березки», а матросы танцуют, сбросив, на снег бушлаты. Закончив пляску, они в одних тельняшках лихо маршируют на фронт по морозному Питеру. Но этот номер зритель не застывает теряться в догадках, как, скажем, танец из «Баядеры», который, если верить подписи под снимком, на одной витрине назван «Индийским», а судя по характерным головным уборам из перьев — танцуют индейцы, наверняка «последние из могикан», показывающие свое искусство беднолицым гостям.

Спектакли «Севастопольский вальс» и «Восемнадцать лет» привлекают стремлением глубже постичь жизненные конфликты, обрести достоверность характеров. В «Севастопольском вальсе» (режиссер М. Дотлибов, дирижер Б. Чагин) театру удалось нащупать и подчеркнуть то, что дает долготелю этой оперетте — нравственное начало этой музыкальной повести о современниках, авторские раздумья о верности, о силе и стойкости подлинного чувства, о строгой мере отношений между людьми. В этом спектакле никто не становится на козурны, не солирует, не претендует на исключительность положения. И в Азербайне — Ю. Цыганкове нет ничего от опереточного героя, он очень прост, сдержан, честный, мужественный человек, радовой офицер минувшей войны. И это прекрасно — перед нами одна из судеб, простых и славных.

В спектакле все скромно и правдиво. Вот это и дорого. И Любаша — Т. Романова, юная, доверчивая, искренняя, вся открытая настроению любви, хотя ей где-то чуть-чуть недостает мужественных интонаций и она вдруг напоминает напоминать беззащитную «фляшку Моцарта». Привлекают лихой и верный в своем чувстве Генка Бессмертный — В. Сердюков и Рахмет — С. Савич, не обрывающийся отчаянно, как некоторые исполнители, «восточный колорит» образа. Герои этого сердечного и умного спектакля рождают у зрителей ответные добрые чувства.

Очень хорошее впечатление оставил показанный последним из

советских спектаклей — «Восемнадцать лет» (режиссер А. Мовчан, дирижер Б. Чагин). Лиричный, задушевный, он тоже говорит о верности — верности Родине и верности в любви, о чистоте душевных помыслов наших людей, о преимуществах лучших традиций поколений. Он воспекает молодость — тех, восемнадцатилетних, что уходили на фронт, и тех, кому «два раза по восемнадцать и немножко в уме», и нового поколения восемнадцатилетних, что посвяляются в эполеты, — с доверием к ним и пожеланием быть достойными отцов.

В духе произведения и оформлении художника С. Болле — современное, лаконичное, при скромности постановочных средств оно содержательно и эмоционально, никак уж не сравнится его с «Баядерой», с этим «эффектным» силуэтом Эйфелевой башни и аляповатыми тигровыми шкурами, развешенными в роскошном беспорядке в апартаментах посольства восточной державы.

«Восемнадцать лет» примечательен актерским ансамблем. Вызывают симпатию милый, чуть старомодный Дмитрий Михайлович — А. Прохоров и Ольга Андреевна — М. Одзубейская, чем-то напоминающая севастиопольскую Любашу Аня — О. Иванова, и конечно же, обязательный, отчаянный и беззаветный Лашка — С. Савич. Самая большая удача — это героиня пьесы Лида в исполнении А. Ладыхенской. Ей вершится порыву юности, любви, безоглядной, жизни настоящей. Вообще А. Ладыхенская наилучшим образом показала и в других спектаклях, ее отличают высокая вокальная культура, хорошая сценическая речь, осмысленность поведения персонажей, интеллигентность и внутренняя правда.

Этот спектакль поставлен новым главным режиссером театра А. Мовчаном. Все лучшее, что есть в этой работе, стремление к современности художественного почерка, к жизненной правде, созданию средствами жанра достоверных характеров, воспитанию поющего актера — обнадёживает, говорит о творческих возможностях театра, о том, что здесь он на верном пути.

Б. КОГАН.